

Хуа Чжаошуй все еще покачал головой и сказал:

— Не смею. Если молодой господин узнает, он мне руки отрубит.

Сяо Ба также знал, что у того человека странный нрав, поэтому не стал уговаривать. Они просто болтали и смеялись, жались друг к другу и обсуждали мастерство других игроков.

Когда они закончили один раунд карт, начался шум. Хуа Чжаошуй не расслышал и спросил Сяо Ба:

— Что они делают?

Сяо Ба указал на того, кто встал, и сказал:

— Он умеет играть на флейте. Хотя мы не учились и не особых талантов нет, обычно, следуя за хозяевами, можно послушать пару ушей музыки. Но во всяком случае всё же нужно сосредоточиться на служении людям. Здесь другое — он играет, мы отдыхаем. Хотя не обязательно пойдем, но настроение хорошее.

Только он это сказал, как тот встал на каменную скамью. Бамбуковая флейта в его руках с первого взгляда выглядела очень грубой и сильно потертой, но звук флейты был мелодичным. Шумная музыка стала далекой, и в ночном небе остался только плавающий звук флейты.

Сяо Ба увидел, что он слушает, зачарованно, тихо толкнул его локтем и немного смущенно сказал:

— Если ты не против, не мог бы ты спеть нам отрывок? Ты можешь петь для того молодого господина, наверняка поешь хорошо. Я тоже хочу broaden my horizons.

Хуа Чжаошуй улыбнулся ему и сказал:

— Конечно, я по дороге много раз повторял слова, будет жалко не спеть. Но я давно не пел, если спою плохо, не разочаруйся.

Сяо Ба просиял:

— Да как же можно!

Он и правда давно не открывал голос, и на самом деле немного боялся проявить слабость, но думая, что молодой господин сегодня, скорее всего, не будет его использовать, а скучать все равно нечем, решил скоротать время.

Хотя он в этот период не распевался, к счастью, потерял он только фигуру. Спев два отрывка, он вошел во вкус и отбросил все те несчастные мысли на задний план.

Как раз когда он пел весело, какой-то слуга поспешно подбежал, потащил Хуа Чжаошуя и ушел. Тон его был тоже очень тревожным, он сказал:

— Боже мой, хватит играть. Только что молодой господин увидел, лицо стало страшное.

Хуа Чжаошуй тут же почувствовал, как сердце его упало, и поспешно спросил:

— Он только что подошел? Я не видел.

Тот слуга был сегодня послан господином Сюем прислуживать в их дворике. Хуа Чжаошуй сегодня задавал ему довольно много вопросов, так что они были знакомы. Он только что увидел, как лицо молодого господина изменилось, выглядело так, будто он разозлился, и поспешил воспользоваться возможностью, чтобы ускользнуть и позвать человека обратно.

Услышав, как Хуа Чжаошуй сейчас так спросил, он сказал «ох» и произнес:

— Только что сказал, что перебрал с выпивкой, вышел проветриться, я сопровождал. Стоял как раз здесь, видишь? Постоял, посмотрел немного, отвернулся и ушел. Он и так уже выпил, тебе нужно быть аккуратным и угождать.

Хуа Чжаошуй посмотрел на место, которое он указал, оттуда как раз можно было полностью охватить взглядом ту беседку.

Он вспомнил еще раз слова Сяо Ба о том, что пение для других на улице — это удар по лицу молодого господина. Подумав об этом, он сразу почувствовал головокружение, размышляя, как это объяснить, и неужели он обречен.

Хуа Чжаошуй был в растерянности, начал в панике искать помощь и спросил слугу:

— То... что, если молодой господин разозлится, что мне делать?

Слуга тоже был озадачен его вопросом, на мгновение замер и сказал:

— Это... Я же не прислуживал твоему молодому господину, не знаю, какой у него нрав, у меня тоже нет метода.

Хуа Чжаошуй снова начал корчить кислую мину, вздохнул и сказал:

— Только бы не выгнали меня, что угодно сделаю.

Как только они прошли, они увидели, что банкет уже разошелся. Шэн Цзяньвэй, очевидно, был пьян, его все еще поддерживали, когда он шел, и он как раз выходил.

Хуа Чжаошуй поспешил подойти, поддержал его, чувствуя немного вину, и сказал:

— Молодой господин...

Шэн Цзяньвэй бросил на него взгляд и не издал ни звука.

Оба молодых господина выпили довольно много, так что никто не мог проводить другого. Шэн Цзяньвэй, садясь в карету, был еще немного в заторможенном состоянии. Хуа Чжаошуй сразу проявил сообразительность, подошел массировать ему виски, начал льстить, говоря:

— Молодой господин, голова болит? Когда вернемся, я сварю вам суп от похмелья.

Шэн Цзяньвэй вдруг схватил его за запястье и потянул к себе. Фигура Хуа Чжаошуя была нестабильной, и он с грохотом упал на землю. Прежде чем он мог среагировать, его силой потащили вперед на полшага. Рука чуть не вывихнулась от рывка.

Хуа Чжаошуй испугался так, что начал дрожать. Подбородок был сжат одной рукой, заставляя его поднять голову и смотреть на него.

Сила руки у молодого господина и так была большая, а спустя немного времени Хуа Чжаошуй

почувствовал, что эта кость у него вот-вот разлетится вдребезги. Это было так больно, что слезы потекли ручьем.

Шэн Цзяньвэй отпустил его запястье и методично вытер ему слезы, сказав:

— О чем ты плачешь? Испугался?

Хуа Чжаошуй не смел кивнуть, не смел и мотать головой, он мог только невнятно признаваться в ошибке. Он сейчас не мог понять, пьян молодой господин или трезв, он просто чувствовал, что глаза молодого господина сейчас очень ужасающие, словно он смотрел на маленькую птичку на ладони, стоит лишь немного приложить силу, и можно его задуть.

Шэн Цзяньвэй подался очень близко, разглядывая его, сжал его щеку, заставив открыть рот, и в его ужасающих глазах очень медленно произнес:

— Недурно споешь. Давай посмотрю, не вырос ли у тебя во рту лишний язычок, раз ты так умеешь петь.

Хуа Чжаошуй был почти напуган до смерти им, слезы были совсем вне контроля, и в горле начали исходить всхлипы.

Шэн Цзяньвэй и правда так сказал и на самом деле потянулся пальцами ущипнуть его язык. Это так его напугало, что он закричал и попятился назад, плача. Как только он попятился, щека заболела еще сильнее. Ему пришлось рукой закрывать рот, но прежде чем он успел закрыть пару раз, Шэн Цзяньвэй схватил его за запястье и резко заломил назад.

Хуа Чжаошуй всхлипывая признавался в ошибке, говоря:

— Молодой господин, я больше не буду, только что... только что просто нечего было делать, вот и спел пару строчек...

— Хватит, не говори, — Шэн Цзяньвэй все еще внимательно разглядывал его, выдавая выражение, похожее на улыбку, и произнес, — Стоит тебе заговорить, и я вижу, как твой язык двигается. Мне очень хочется отрезать его и хорошенько рассмотреть, не отличается ли он от других.

Хуа Чжаошуй больше не смел говорить. С трудом он дождался Дома Сюй, чувствуя, что лицо его уже почти не его.

Шэн Цзяньвэй ничего больше не делал всю дорогу, просто щипал его лицо и разглядывал то туда, то сюда. Когда этот молодой господин отпустил, на щеке Хуа Чжаошуя осталось два красно-синих следа от пальцев.

Выходя из кареты, молодой господин не позволил никому другому поддерживать себя, переложив весь вес на Хуа Чжаошуя. Эта прогулка была кувырком все время. С трудом они внесли его в комнату, кухня сразу же принесла суп от похмелья. Хуа Чжаошуй просто почувствовал, что увидел спасителя, и поспешил подать молодому господину.

После того как молодой господин допил суп от похмелья, он сидел, не двигаясь. Хуа Чжаошуй также стоял на коленях рядом, не смея пошевелиться. Спустя долгое время этот господин наконец заговорил:

— Чего ты на коленях стоишь?

Хуа Чжаошуй в этот раз даже не смел краем глаза взглянуть на его лицо, горло было еще немного хриплым, он сказал:

— Я совершил проступок, не смею встать.

Шэн Цзяньвэй хмыкнул и рассмеялся, сказав:

— То, что я тебе не велел делать, ты делаешь одно дело красивее другого. А то, что велел, с каждым делом огрызаешься.

Хуа Чжаошуй снова не знал, как ответить на эту фразу, спустя долгое время выдавив из себя одну фразу:

— Лишь бы молодой господин был доволен, я готов на всё.

Шэн Цзяньвэй уставился на него немного времени, затем вдруг сказал:

— Иди принеси чайник горячего чаю.

Хуа Чжаошуй тут же облегченно вздохнул, встал и быстро пошел к двери. Но как только он собрался коснуться двери, его вдруг схватили за воротник сзади. Человек сзади приложил силу, и он упал вниз.

Хуа Чжаошуй так испугался, что закричал, снова начал дрожать, смотрел на него и сказал:

— Мо... молодой господин, разве вы не велели мне наливать чай?

Шэн Цзяньвэй полуприсел, хлопнул его по лицу и с улыбкой сказал:

— Я специально. Хотел поскорее выбраться наружу, да? Каково ощущение, когда вот-вот сбежишь, но тебя снова ловят?

Хуа Чжаошуй в этот раз был действительно напуган до слез. Он обнял его руку и сказал:

— Молодой господин... молодой господин... Я был неправ...

Едва его голос упал, Шэн Цзяньвэй встал, схватил его за воротник и потащил внутрь.

Хуа Чжаошуй был тащим им вот так, так испуган, что руки и ноги бешено дрыгались. Он кричал и хватал его руку. Поясница и спина были натерты больно ковром, и он не мог даже говорить полностью.

Шэн Цзяньвэй, казалось, не слышал, тащил его всю дорогу до края кровати, отпустил руку и сам сел. Видя, как тот плачет до красных щек, его выражение на самом деле намного смягчилось.

Хуа Чжаошуй быстро перевернулся, правильно встал на колени, пополз вперед пару шагов, схватил его руку и сказал:

— Молодой господин... молодой господин, я был неправ...

Шэн Цзяньвэй цокнул языком, потрогал его лицо со следами от пальцев, тон был легким и парящим, он произнес:

— Ну всё, не плачь. Ты плачешь оттого, что боишься меня?

Хуа Чжаошуй поспешно покачал головой, все еще всхлипывая, и сказал:

— Молодой господин, не сердитесь... Я больше никому не буду петь, и с другими... говорить не буду...

<http://bllate.org/book/16756/1562809>